

Н.В. Елагин

Рассказ о киевской старине

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Н11

Н11 **Н.В. Елагин**
Рассказ о киевской старине / Н.В. Елагин – М.: Книга по Требованию, 2021. –
44 с.

ISBN 978-5-458-16856-4

Рассказ о киевской старине.

ISBN 978-5-458-16856-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

РАЗСКАЗЪ

о

КІЕВСКОЙ СТАРИНЪ.

=

Много протекло лѣтъ по смерти Великаго Князя Кіевскаго Владиміра Святославича; только не многіе изъ современниковъ его еще оставались на землѣ, какъ памятники прошедшаго, какъ хроники, рассказывающія о быломъ давно минувшемъ. Но время не истребило въ Кіевлянахъ любви къ Великому; воспоминаніе о красномъ солнышкѣ Владиміръ Святославичъ оставалось святыней завѣтною: имъ молодѣли, согбенные подъ бременемъ лѣтъ, старики; имъ восхищались пылкіе юноши.

На уступѣ Андреевской горы сидѣлъ старикъ, дядя Терентичъ; тусклые глаза его обращены были въ низъ на разныя изображенія, которыя онъ чертилъ своею дубовою палкою на песокъ; морщины, изрытыя на высокомъ челѣ и изсохшихъ щѣкахъ, во многихъ мѣстахъ были пересѣ-

чены глубокими рубцами; сѣдые его волосы, нѣсколько подстриженныя съ переди, по бокамъ и съ зади касались плечъ; по временамъ крупная слеза выкатывалась изъ поту- хавшихъ очей, и старикъ каждый разъ утиралъ ее рукавомъ бѣлой рубахи, высовывавшимся изъ подъ чернаго обя- риннаго кафтана, подполсаннаго пестрымъ шелковымъ ку- шакомъ. Возлѣ него полукружіемъ сидѣли нѣсколько мо- лодыхъ и довольно пожилыхъ людей въ праздничномъ нарядѣ.

«Богъ судилъ мнѣ, дѣтушки,» началъ старикъ «поло- жить вотъ этими грѣшными руками почитай всѣхъ род- ныхъ и пріятелей въ непробудную постель — мать сы- ру землю. Скоро и мнѣ туда же дорога. Слушайте, дѣтки, рѣчи старика: уму - разуму васъ учить, на зло не на- ставляеть; состарѣетесь и сѣми, будете сами учить дѣтей и внучать; рассказывайте все имъ въ жизни на пользу, души назиданье; учите знать да болѣться Бога, любить да уважать Князя; коли нужно, животь положить за отчизну святую, за матушку Русь; а я расскажу вамъ, какъ Богъ посѣщалъ насъ бѣдами, да онъ же и помиловалъ — Отецъ нашъ небесный.

«Свѣтло возшло солнышко на другой день погребенія Великаго; но тяжкая скорбь лежала на сердцахъ. Пло- щадь предъ Великокняжескимъ дворцомъ наполнялась на- родомъ; но тихъ былъ говоръ его. Съ поникшими го- ловами безмолвно бродили Кіевляне въ ожиданіи появле- нія новаго Князя.

«Былъ я еще парнемъ невзрачнымъ, какъ от- нялъ у насъ Владыка небесный Владимира — солныш- ко наше; но помню, какъ теперь, тутъ сидѣлъ дѣдушка

Мивичъ; въ кругъ него парни сидѣли, и такую веди съ ними рѣчь :

Онъ. Сокрѣлось наше красное солнышко, нашъ Государь Батюшка, нашъ отецъ кормилецъ Владиміръ Святославичъ; знать прогнѣвался на насъ Господь милосердый, раздражили мы Владыку небеснаго — окайнные; заслужили по своимъ грѣхамъ бѣду не минучую; тяжко на душѣ, родные; горько въ очахъ не доплаканныхъ, много вылилося изъ нихъ слезъ; еслибъ вытекли они до конца, не довелось бы мнѣ плакать надъ гробомъ нашего отца роднаго, краснаго солнышка, свѣтлаго мѣсяца, нашего сокола яснаго, орла поднебеснаго. Пришлось отдать Богу душу съ кручиною. Тяжкая приспѣла година, не быть благостынѣ въ Кіевѣ, найдуть на Св. Русь черные годы; долго не видать ей красныхъ дней.

— « Не кручинься, дѣдушка, » говорилъ молодой дѣтина, Андрей Безкручинный — « и для Великаго Князя Господь назначаетъ вѣкъ; не прикупить же ему было чужей жизни, не изжить чужаго вѣка.

— « Не разумно ты баишь, Андрюха, » отвѣчалъ ему дѣдушка Мивичъ, кивнувъ головою » не тебѣ учить меня, али поперечить мнѣ старику; не о томъ веду ъ слово, чтобы прикупать чужаго вѣку; и безъ того еще могло бы свѣтить святой Руси наше красное солнышко, не была еще пора слабѣть силамъ богатырскимъ, рано было тускнуть очамъ его яснымъ. Видимо прогнѣвался Господь на насъ, отвратилася милость Его за грѣхи наши и беззаконія. Пришла послѣдняя година, какъ читалъ въ церкви батюка, поплъ Иванъ. Восталъ на отца — сынтъ; Ярославъ не сталъ платить дани своему Государю Батюшкѣ,

по наущенію сатанинскому, по навожденію вражьему. Горькая то была вѣсточка для его сердца отцовскаго; правду молвить, не порадовался врагъ междоусобию, не причинилъ намъ грѣховъ смертныхъ; но закатилось отъ насъ наше солнышко. Кому владѣть теперь землею Русскою, кто дастъ судъ и управу, накажетъ крамолу и буйство, кто поведетъ дружины противъ враговъ грозныхъ?

— «Вѣстимо кто, дядя, — отозвался дюжій парень съ русою, окладистой бородою, (теперь онъ клюки не выпускаетъ изъ рукъ) Козма Рукопашный — сегодня объявятъ Княземъ Святополка Владиміровича. Видишь, какъ суетится дружина на площади, ставятъ столы и лавки, выносятъ шубы и шапки соболѣвья, кумачъ и ширинки узорчатый, шелкъ и бархатъ разноцвѣтные. Онъ милуетъ насъ, ему и сидѣть на отчемъ столѣ (*), ему и владѣть нами, и судить землѣ Русской.

— «Не судить ему, Парфеньтичъ, — сказала дѣдушка Миничъ — какъ судилъ нашъ батюшка Владиміръ Святославичъ. Быть страшному погрому на землѣ Русской. Наши грѣхи возопили на небо; не умѣли мы жить по заповѣдямъ Господнимъ. Бывало, какъ ударятъ въ колоколь ко всеночной, али къ обѣдни, народъ спѣшитъ во храмъ Божій, что пчелки въ улей; бывало чуть опоздаешь, такъ и молишь за дверьми, народу биткомъ набито; а теперь, что пришло за время? въ церкви стоятъ почти только старики, парня увидишь гдѣ-не-гдѣ, а ребятишекъ матери не многія носятъ къ благодати Божіей. Намедни Тимошка Нефедьевъ — лѣтъ двадцать тому назадъ отправился онъ за море, искать счастья, да назадъ

(*) Престоль въ лѣтописяхъ называется *столомъ*.

не вернулся — какъ бишь я сказалъ? да, намедни, говорилъ дѣдушка Миничъ, Тимошка Нефедьевъ молится не молится, спать не спитъ; нѣтъ, чтобъ не сводить очей съ лика угодниковъ Божиихъ, а поглядываетъ на свою заморскую тросточку. Этакая страсть, срамъ да и только, кабы не во храмъ Божию, тарахнулъ бы его тарахнулъ, коли не выучился у отца роднаго уму разуму.

— «Глянъ-ка, дѣдушка» — перебилъ его молодой дѣтина съ русыми кудрями, Алексѣй стрѣла, давно ужъ покойникъ — вонъ - она какую несутъ шубу лисью; эхъ кабы ее тебѣ пожаловалъ Князь!

— «Ахти мечъ кладенець», взговорилъ широкоплечій паренъ съ жилистыми руками, Ростиславъ Рубанистый, мой братъ двоюродный —» вотъ если бъ онъ попался мнѣ; то - то бы потѣшилась душа надъ врагами земли Русской, злыми бусурманами!

— «Потише, по тише, Ростиславушка,» продолжалъ дѣдушка, — «вишь у тебя разгорѣлися очи на мечъ-кладенець, забилось ретивое; — о томъ ли теперь думать? въ могилъ нашъ отецъ родной, одолѣла сердце тоска-кручина; увидите, дѣтушки, что не въ радость теперь и шуба лисья, и булатный мечъ-кладенець. Не быть благословенію на землѣ нашей, не видать вамъ радости, мои родимые. Куды милостивъ Святополкъ Владиміровичъ, подумаешь, глядя на эти кучи товаровъ заморскихъ! а все то умещаетъ народъ, чтобъ стояли горой за него, когда возстанутъ на него братья.

— «Ну за чемъ таки, дѣдушка, — взговорили ребята, — воставать братьямъ? али имъ любо проливать кровь

Русскую, засѣвать костыми своихъ дружинъ полѣ Кіевскія?

— Эхъ, дѣтушки, дѣтушки — продолжалъ Миничъ — не даромъ читается въ церкви. не можетъ древо зло плоды добры творити. Вѣдь, между нами будь сказано, кто такой Святополкъ?

Дѣдушка осмотрѣлся кругомъ: «вы знаете, сору не выносятъ изъ избы. Святославъ, ходивши на Царьградъ, привелъ съ собою молодую Грекиню. Сердечная ужъ какъ она убивалась; бывало, какъ согласишься на горемычную, когда обливается горючими слезами, такая возьметъ туга, что радъ бы сквозь землю провалиться. Рахдай удалой — вы знаете — былъ мнѣ съ руки; эхъ, что это былъ за человекъ! бывало, какъ надѣнешь броню ратную, сядетъ на коня воронаго, свиснетъ молодецкимъ посвистомъ, гаркнетъ богатырскимъ покрикомъ, махнетъ коня по крутымъ бедрамъ, наскочетъ на силу вражю, конемъ вернетъ, копьемъ махнетъ, — трехъ сотъ Печенѣговъ, какъ не бывало (*); сядетъ ли бывало за чару круговую, выпьетъ ли вина, распотѣшитъ ли на солодкомъ меду, — такъ помежъ пріятелей его, кажись, въ ухо вложишь, вотъ тебѣ душа на ладонькѣ. Онъ то мнѣ и сказалъ, что та Грекиня въ своей землѣ была черницею. Ну вѣстимо, у насъ еще тогда былъ въ чести Перунъ, такъ что Князю было за дѣло до того, что она въ Грецкой землѣ была черницею? Князь возьми, да и отдай ее Ярополку. Правду молвить, куды была хороша! Ужъ подлинно объ ней нужно сказать: на небѣ солнце и въ теремѣ солнце, на небѣ мѣ-

(*) Русск. Лѣт. по Никонов. списку стр: III.

сіяць и въ теремѣ мѣсяць, на небѣ звѣзды и въ теремѣ звѣзды и вся красота поднебесная: брови—что твои тучи черныя, очи—что небо ясное; рѣсницы словно длиннокрыльшко ласточки; шел—что пухъ лебязій. Вотъ и сдѣлалась Грецкая черница женою. Хоть она была и Княже-скаго сына женою, да все таки не чисто дѣло. Ужь коли она обрекла себя Господу Богу Жениху небесному, такъ не касайся ея ни одинъ смертный. Ну да не наше дѣло объ этомъ судить рдить» — примолвилъ старикъ.

«Когда Варяги убили Ярополка въ хоромакъ Владиміра, такъ онъ и взялъ ее къ себѣ; — тогда еще мы не знали Бога Христіанскаго, такъ жилось иначе,—отъ этой то Грекини родился Святополкъ (*).

— «Съ нами сила крестная!» набожно произнесъ тутъ Митька-Дейнека — заступница Матерь Божія, избави насъ отъ такихъ грѣховъ!

— «Такъ гдѣ жъ быть, дѣтушки, добру? — продолжалъ Мивичъ, — хоть поздно, а покараетъ насъ Господь Святополкомъ. Теперъ онъ, что воронъ злобѣщій, словно чутьемъ почуялъ кончину отца нашего, такъ и прилетѣлъ — близкій свѣтъ — изъ Турова въ Кіевъ.

«Я знаю, я былъ тамъ. . .

— «Какъ тебѣ, дѣдушка, не быть! — подхватилъ братъ Ростиславъ.

— «И я былъ въ Туровѣ» — сказалъ Козма Рукопашный. — Богъ съ нимъ, онъ съ молоду былъ на языкъ не воздержень.

— «Ну, не хвались, Парфентичъ, — перебилъ дѣдуш-

(*) Лѣтописецъ 6560 до 7106. года стр. 24.

ка Миничъ, — примѣрно будучи сказать, ты хоть и былъ въ Туровѣ, да не бывалъ тамъ, гдѣ я; ради чего и непригоже тебѣ перебивать меня. На чемъ бишь я остановился? да, я былъ въ Туровѣ — какая подумаешь даль! такъ нѣтъ, вспънилъ Припеть и Днѣпръ, и прилетѣлъ въ Кіевъ, что дюжь; тутъ его и не доставало.

— «Да что мы беремъ на душу грѣхъ? изъ за чего принимаемъ его Княземъ, не ужъ то онъ думаетъ купить насъ шубами, да шапками?»

— «Оно такъ, Ростиславушка, — молвилъ старикъ, — да вишь ты, теперь поперечить нечего, когда не за кого взяться. Вотъ еслибъ былъ въ Кіевѣ князь Борисъ, звѣзда наша, такъ не княжить бы надъ нами Святополку. Посмотришь на Бориса, душа не нарадуется: добрый, тихій, правдивый и дѣло ратное знаетъ. Окаянные эти Печенѣги! кабы не они, такъ бы мы погребли Владиміра, да къ Борису всѣмъ міромъ съ поклономъ: Батюшка нашъ, Князь Борисъ Владиміровичъ, володѣй нами, княжи въ Кіевѣ, будь намъ на мѣсто твоего Батюшки Владиміра Святославича! А теперь, какъ нѣтъ его, подумаешь - подумаешь, что дѣлать, нужно признать Княземъ того, кто выѣдетъ съ дружиной.

— «И въ прямъ ужъ онъ выѣзжаетъ съ дружиной» молвилъ, поднимаясь, Парфентичъ.

— «Гдѣ, гдѣ?» закричало нѣсколько голосовъ. Кажется и я тутъ не хуже другихъ погорланилъ, и всѣ мы вскочили съ мѣста; видимъ, дружина валитъ за Княземъ, а кони - то кони, словно бѣлоярой пшеницей кормлены, да сыгою поены.»

— «Пойдемъ, чтоль,» вопрошалъ Рукопашный.

— « Не радиль бы я вамъ ходить, дѣтушки, — сказалъ дѣдушка намъ, — шапка, что ль пондобилась тебѣ Парфентьичъ? возми пожалуй мою; соболёвой не пожалю; но не принимай даровъ отъ Святополка; куда ты съ ними дѣнешься, какъ придуть наши съ Княземъ Борисомъ? »

— « Да мнѣ тамъ и не достанется, дѣдушка, — отвѣчалъ съ усмѣшкой Парфентьичъ, — достало бы и тому, кто почище меня. А такъ позѣвать, нешто. Пойдемъ чтоль, ребята? »

— « Пойдемъ, такъ пойдемъ » говорили мы.

— « Ну если, ужъ вамъ загорѣлось непременно идти на площадь », — сказалъ старикъ, — « то чуръ даровъ отъ Святополка не брать. »

— « А если брать, такъ чуръ не радоваться, » — отвѣчалъ Парфентьичъ. « Ну еслибъ, въ самомъ дѣлѣ, Князь пожаловалъ даръ кому изъ насъ, не сказать же: не хочу, не возьму; того и гляди, что потянуть по спинѣ. Эхъ ужъ этотъ мнѣ Путша! его тутъ куды нужно; сидѣлъ бы въ своемъ Вышгородѣ, а то еще ломается, чуть не въ ровень сталъ съ Княземъ. »

— « Тутъ Путша? — спрашивалъ дѣдушка, поднимался на ноги; « ну, ребята, не быть же добру: онъ наставитъ Князя на все недоброе. Это человекъ — не почувъ душа дома. Ему только бы быть въ чести, чтобъ ему шапки снимали, а то у него чего хочешь, того просишь. »

Мы побѣжали на площадь; видимъ, Святополкъ гордо сидитъ на добромъ аргамакѣ, и приказываетъ раздавать дары; кругомъ дружина, а народъ словно убитый; не то, чтобъ радоваться новому Князю, а чуть не пла-

четь. Вотъ то-то, дѣтушки, старость; кажись не много поболталъ я, а въ груди заложило, мочи не стало. Надо вздохнуть старику, духъ перевести; да вотъ и къ вечерни звонять, пойдѣмъ же, помолимся Господу Богу, а тамъ вспомняемъ и бывое, и разсказъ пойдетъ своимъ чередомъ.»

